

«Я ДАВНО РАТОВАЛ ЗА ТО, ЧТОБЫ МЫ ТРАТИЛИ ДЕНЬГИ НА ИМИДЖ»

СПЕЦПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ С ЕС СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМЬСКИЙ РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ GUIDE ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ, ПОЧЕМУ ЕВРОПЕЙСКОМУ СОЮЗУ НИКУДА НЕ ДЕТЬСЯ ОТ РОССИИ.

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМЬСКИЙ,
СПЕЦПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ
ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ
ОТНОШЕНИЙ С ЕС

GUIDE: В последнее время в европейской прессе редко удается прочитать статью, в которой бы не ругали Россию. Что происходит? Откуда весь этот негатив?

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМЬСКИЙ: Война имиджей, которая сегодня идет, касается не только отношений Россия—ЕС. Это и Россия—весь мир, и, кстати, США—весь мир. Сегодня по многим опросам общественного мнения наихудший имидж у США. Когда проводятся опросы на тему,

какая из стран представляет наибольшую угрозу международной безопасности, то на первом месте часто оказываются США. Следом называются «страны-изгои» — Ирак или Иран, и только за пределами первой пятерки находится Россия.

G: Тоже неплохой результат.

С. Я.: Непонимание европейской прессой того, что происходит сегодня в России, достигло высокого критического уровня. Но нужно понимать, что в самых разных слоях европейского общества отношение к нам формируется совершенно по-разному. У политического класса одно отношение, у прессы — другое, в научной среде — третье, среди бизнесменов — четвертое. Везде своя особенность восприятия России. Нельзя сказать, что существует единая точка зрения на сегодняшнюю Россию. Объясняется это очень многими причинами. И не в последнюю очередь историческими. Элемент недоверия европейцев к тому, что происходит в России, был достаточно велик на протяжении многих веков. Если взять книги европейских аристократов, посещавших Россию, и особенно маркиза де Кюстина, который был одним из первых пиарщиков, формировавших отношение западной элиты к Москве, то видно, что уже тогда обнаружилась пропасть непонимания. Мы никогда не были похожи на них. Здесь и старый конфликт Рим — Византия. И наша религиозная особость. Мы не прошли через реформацию. Православие не относится к основным религиозным направлениям Европы. Здесь иное чем в Европе общественное восприятие таких ключевых тем, как государство, собственность, власть, индивидуальная свобода. Что, впрочем, неудивительно с учетом особенностей нашего исторического развития.

Потом были 70 лет советской власти, которые привнесли дополнительное осложнение в восприятие России. Все, что здесь происходило, за исключением культуры и спорта, воспринималось как опасный вызов. Идеология экспансионизма, которую исповедовала коммунистическая доктрина, представляла несомненную угрозу для Европы. Постперестроечный период тоже воспринимался неоднозначно. Нашумевшие мафиозные истории, приватизация, которая позволила некоторым россиянам за несколь-

В НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ К ВЛАСТИ ПРИШЛИ ЗАКОМПЛЕКСОВАННЫЕ ЭЛИТЫ, КОТОРЫЕ ЗАРАЖЕНЫ АНТИРОССИЙСКОЙ БАЦИЛЛОЙ. НА ЛЕЧЕНИЕ ТАКИХ БОЛЕЗНЕЙ ТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ, ПОРОЙ МНОГО ВРЕМЕНИ

ко лет встать в шеренгу самых богатых людей мира — появлялись вопросы к происхождению этого богатства.

Сейчас, когда последние восемь лет наводятся порядки в жизни страны и появилась стабильность, все это снова воспринимается со знаком «минус». Они видят в этом некие ростки авторитаризма, ограничение демократических начал, свобод и так далее. А между тем всего этого в России вообще еще не было в том смысле слова, в каком это давно существует в Европе. Быстрый процесс восстановления России как самостоятельной страны и державы вызвал большой шок. Многие, наслаждаясь победой в «холодной войне», полагали, что мы на долгое время выжили из группы ведущих стран, оказывающих влияние на мировую политику, и вдруг оказалось, что страна, как птица феникс, возродилась и может позволить себе заявлять о собственной позиции, добиваться реализации своих целей. Им было бы достаточно, чтобы Россия навсегда осталась дойной энергетической коровой. Ну и, наконец, нельзя не видеть ту дикую зависть, которую испытывает часть европейской элиты к энергетическим и иным богатствам России, ее самодостаточности.

G: Но ведь отголоски гангстерских 90-х звучат и сегодня! Убивают журналистов, банкиров. Вот только в последнее время Россия вроде бы озадачилась своим имиджем на Западе. Появились специальные структуры, тратятся деньги.

С. Я.: То, что Россия в конце концов обратила внимание на собственный имидж, — это позитивный факт. Я давно ратовал за то, чтобы мы начали тратить деньги на свой имидж. И даже не обязательно тратить их на какие-то ребрендинговые кампании по изменению представления о себе. Важно наладить постоянный поток информации о том, что у нас здесь происходит с объяснением происходящего. Нужно наладить доставку информации, как ее видим мы, на тех языках, на которых говорит мир, а не полагаться на профессиональную объективность западных журналистов, которые отсюда дают информацию под определенным соусом.

То, о чем вы упомянули в первой части вопроса — к сожалению, факт. События, связанные с убийством Политковской, вызвали соответствующий негативный резонанс. Поэтому очень важно, чтобы в юридическом плане на такие вопросы были даны исчерпывающие ответы. Важно прежде всего для нас самих. Нужно понять, кому это выгодно и кто это сделал. Но такие события происходят и в других странах мира. Все сравнения хроамают, но тем не менее в 2004 году имидж Испании не улучшился от тех терактов, которые произошли на вокзале в Мадриде. Серия терактов в Лондоне тоже не привела к тому, чтобы представления о Великобритании улучшились как о стране, где якобы есть межэтническая гармония. Погромы в пригородах Парижа также не могут быть занесены в актив имиджа Франции. Не случайно после этого французы истратили дополнительные средства на улучшение своего имиджа в Европе. В любой стране мира рано или поздно происходит разного рода ЧП. Это часть жизни. Но нельзя утверждать, что все происходящее в России — это только череда преступлений, убийств, катаклизмов и так далее.

G: Вы на передовой российско-европейских отношений. Как, по-вашему, Брюссель всерьез опасается Москвы или же в ЕС готовы работать с той Россией, которая есть?

С. Я.: Они в любом случае будут работать с нами, как и мы с ними. Мы соседи по континенту, зависимы друг от друга и обречены сожительствовать. Исходя из того, что пишут о нас в Европейском союзе, можно сделать вывод, что там относятся к России с большим подозрением. Но это не так! В разных странах существует свой взгляд на Россию. Большая разница между тем, что думают о нас в Польше и в Эстонии и что думают в Испании или Португалии. В

странах старой Европы очевиден консенсус в сторону стратегического партнерства с Россией. За это же ратует и Еврокомиссия. Есть и ряд стран, прежде всего это Польша, у которых отношение к России иного плана. Это тоже факт.

Среди бизнесменов, финансовых кругов, деятелей культуры, образования и науки стран ЕС совершенно очевидный интерес к наращиванию сотрудничества с нами. Эта категория людей и создает позитивную ткань отношений между Россией и ЕС. Для них Россия — продолжение Европы, и не должно быть границы, которая жирным красным фломастером отделяет ЕС от РФ.

G: Выходит, есть группа друзей России и группа противников. Как унять недоверие второй группы? Как прекратить перманентное противостояние с Польшей и странами Балтии?

С. Я.: Группа друзей намного многочисленнее. Нельзя утверждать, скажем, что все страны Балтии принадлежат ко второй группе. У нас, например, в отношениях с Литвой делается много позитивного для облегчения положения населения Калининградского региона. С Латвией недавно подписали договор о границе. В то же время с Польшей и Эстонией действительно целый ряд больших проблем, количество которых пока не уменьшается. Что касается восточноевропейских стран, то со Словакией, Венгрией, Болгарией запущено много интересных проектов. Так что нельзя сказать, чтобы страны Восточной Европы образовывали некую моногруппу в плане негативного восприятия России. Чтобы произошел процесс выравнивания отношений европейских стран к нам, должно пройти время. Новички ЕС — это те, кого западная печать раньше называла вассалами СССР. В некоторых из них к власти пришли закомплексованные элиты, которые заражены антироссийской бациллой. На лечение таких болезней требуется время, порой много времени.

G: А среди наших руководителей эта бацилла изжита?

С. Я.: У нас существенно обновилась правящая элита. Среди тех, кто сегодня находится во власти, нет людей, которые мыслили бы в такой системе координат. Отношения к нашим европейским партнерам, в том числе молодым членам Европейского союза, лишены в России идеологического подтекста. Для нас главное — прагматический интерес. Экономика, Европа без разделительных линий, переход к безвизовым отношениям. Нас совершенно не беспокоит их выбор в пользу ЕС. Это их суверенное право, и мы не хотим, чтобы закомплексованные политические элиты привносили в палитру отношений России и ЕС представления из прошлого. Мы не хотим, чтобы эти отношения отягощались идеологизированными спорами, поскольку это равным счетом ничего не решает. И я с удовлетворением вижу, что количество людей, которые в старой Европе понимают наши подходы, растет.

G: В России Европейский союз тоже воспринимают неоднозначно. Для многих это такое абстрактное объединение, которое время от времени возмущается то энергетической мощью России, то еще чем-то.

С. Я.: Не вижу в этом ничего драматичного. Главное для нас, что подавляющее число россиян относятся к Европе с симпатией. Не к ЕС, а именно к Европе. В общественном сознании есть разделительная линия между Европой и Европейским союзом. В целом отношение к Европе позитивно нейтральное. ЕС же — это другое. Многие не до конца понимают, что это такое.

G: Часто ассоциируют с враждебным Западом.

С. Я.: Вряд ли мы должны от наших граждан ждать понимания того, что такое ЕС и на каких принципах он функционирует. ЕС, кстати, во многих европейских странах воспринимается как сверхбюрократизированная машина, которая работает, не считаясь с национальными интересами. Франция и Голландия потому и голосовали против евро-

пейской конституции. Но это уже не наша забота, им самим нужно думать, как изменить такое отношение к себе. Нам же следует разъяснять людям, каковы на деле наши отношения с ЕС. Не затушевывая проблемы, но и не закрывая глаза на достижения, а они безусловно есть. Только из последнего времени можно назвать примеры соглашений об облегчении визовых процедур и реадмиссии, которые, как мы надеемся, вступят в силу с 1 июня сего года. Это касается многих тысяч россиян, которые получают благоприятные условия для посещения стран ЕС, входящих в Шенгенскую зону. Рeadмиссия — важнейший инструмент, который должен помочь нам бороться с нелегальной миграцией. Уместно вспомнить и создание Евроколледжа — учебного заведения совершенно нового типа для подготовки специалистов, уже имеющих высшее образование и работающих в России в государственных и других структурах и занятых на участке отношений с ЕС. Таких примеров масса.

G: Кстати, об образовательных контактах. Россия присоединилась к Болонскому процессу. Обещают, что все российские студенты скоро смогут продолжать свое образование в Европе. Когда этого ждать?

С. Я.: Это как раз та сфера жизни, которая в принципе регулируется национальным законодательством, хотя страны ЕС и пытаются вводить общие нормы. Мы уже подписали соглашения с пятью странами ЕС о взаимном признании дипломов. Речь идет о Болгарии, Венгрии, Испании, Франции и Финляндии. Ведутся переговоры с другими государствами. Кстати, соглашение об облегчении визовых процедур должно привести к росту количества российских студентов, обучающихся в ЕС, и наоборот. Облегчаются визовые процедуры, снимается оплата виз для студентов.

G: Скоро саммит Россия—ЕС. Чего от него ждать?

С. Я.: Саммит — это рабочий механизм высшего уровня в наших отношениях. Там много уровней: отношения между правительством и еврокомиссией, отраслевые диалоги, отношения между министрами и еврокомиссарами. Саммит существует для того, чтобы раз в полгода проводить глобальный обзор наших отношений с ЕС. На саммите зачастую решаются какие-то отдельные вопросы, которые тормозят развитие сотрудничества. Наконец подробно обсуждаются наиболее жгучие международные проблемы. Если к тому или иному саммиту удастся подготовить документы для подписания — хорошо, если не удастся — в этом тоже нет трагедии. Саммит — это не площадка для подготовки документов.

G: А что будет с нашумевшей в прошлом году Энергохартией?

С. Я.: Уверен, что Европейский союз наконец понял, что мы этот документ ратифицировать не будем. Но энергетическая тема всегда является одной из самых востребованных, и, думаю, на самарском саммите эта тема возникнет снова.

G: А что насчет большого Соглашения о партнерстве и сотрудничестве?

С. Я.: Мы не можем приступить даже к его обсуждению до тех пор, пока существует вето Польши на начало этих переговоров. Европейская комиссия не может получить на это мандата. Но это уже внутренняя кухня ЕС. При этом мы стремимся совместно с европейскими комиссиями и экспертами преодолеть те проблемы, которые побудили нас ввести эмбарго на ввоз мясной продукции из Польши. Идет обмен письмами, встречаются делегации, проходят инспекционные поездки на предприятия соответствующего профиля. Если удастся довести эту работу до конца, то тогда, надо полагать, Варшава снимет свой пресловутый запрет. Нет — будем жить, как живем.

G: То есть это никого особенно не напрягает?

С. Я.: В Москве точно нет. ■

